

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/19988613/99/14

Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 2: Северная и Западная области / губернаторства, центральная область Синчжун

Павел Николаевич Дудин

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
Улан-Удэ, Россия, dudin2pavel@gmail.com*

Аннотация. Продолжается исследование процесса реализации японцами национальной политики в Маньчжоу-Го в отношении Северной и Западной областей провинции Хинган. Западная область была создана в 1933 г. после присоединения провинции Жэхэ. Специфика Северной области, совпадавшей с регионом Барга, сводилась к включению в ее состав двух территорий с особым статусом в границах бывшей Полосы отчуждения КВЖД. Конфликт ее руководителя Лин Шэна с японцами и его казнь в итоге привели к осложнению японо-монгольских отношений, ликвидации автономии в 1937 г. и провалу национальной политики, потребовавшей существенных корректив.

Ключевые слова: Хинган (Синъань), Маньчжоу-Го, Барга, Маньчжурия, институты публичной власти

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054 «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.», <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

Для цитирования: Дудин П.Н. Национальная автономия Хинган (Синъань) как публично-властный институт контроля японцами монгольских территорий Маньчжоу-Го. Часть 2: Северная и Западная области / губернаторства, центральная область Синчжун // Вестник Томского государственного университета. История. 2026. № 99. С. 126–134. doi: 10.17223/19988613/99/14

Original article

National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 2: North and West provinces / governorates, central Xinzhong region

Pavel N. Dudin

*Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ulan-Ude, Russian Federation, dudin2pavel@gmail.com*

Abstract. This article continues the study of the process of implementing the national policy of the Japanese on the Mongolian lands in Manchukuo concerning the North and West provinces of Hinggan. The importance and need for a separate study of the state of these territories was determined by the place that these regions occupied in the structure of the new province. As well as by the consequences that occurred after the so-called Incident with Lin Sheng, which significantly changed Japanese national politics in the region, as well as attitude to Japan by the local population and political elites. The western region was created in 1933 after Rehe Province joined Manchukuo. The specifics of the Northern region, which became a governorship in 1934, boiled down to the fact that, firstly, it included two territories with a special status: the Cossack area of Three-Rivers (Trehrehchye) in the valley of the Genhe, Derbul and Khaul rivers, as well as the former Special District of the Three Eastern Provinces, created within the boundaries of the CER Railway Exclusion Strip and in 1932 became the Special Region of Northern Manchuria. Secondly, the Northern region coincided in its borders with the Barga region, which since the middle of the 18th century had substantial autonomous rights and privileges. Having retained autonomy even after the Xinhai Revolution, Barga became part of the Heilongjiang province only in 1920, but the internal governance structure preserved, and Daurian aristocrat Gui Fu became the head of the district. With the formation of Hinggan Province, his son Lin Sheng became the head of the province and subsequently the governor. Possessing considerable authority, Lin Sheng tried to prevent abuse of powers by the Japanese, which caused aggravation of the situation, accusing him of treason and execution. However, instead of fear, this act provoked hostility and distrust on the part of the Mongols, which ultimately led to toughening centralization, the actual liquidation of autonomy in 1937, and the failure of national policy, which required significant adjustments.

Keywords: Hinggan (Xing'an) Province, Manchukuo, Barga, Manchuria, autonomy, administrative-territorial division, Northeast China, Kwantung army, Japanese invasion

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00054 “The Manchurian-Mongolian world of Inner Asia in the first half of the 20th century”, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>

For citation: Dudin, P.N. (2026) National Autonomy of Khingan (Xingan) as a public-power institution of control by the Japanese of the Mongolian territories of Manchukuo. Part 2: North and West provinces / governorates, central Xinzhong region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 99. pp. 126–134. doi: 10.17223/19988613/99/14

Незамедлительно после создания в марте 1932 г. Маньчжоу-Го на монгольских землях нового государства была образована провинция Хинган, на примере которой японцы были намерены продемонстрировать разумность своей национальной политики и выгоду сотрудничества с ними народов, живущих во Внешнем Китае. Ядро новой автономной провинции составили Восточная и Южная, или ординарные, области, территория которых не подвергалась серьезным преобразованиям, а руководители исправно несли государственную службу на своих постах. Северную, Западную и центральную область Синчжун можно отнести к экстраординарным, поскольку их место в структуре регионального порядка отличалось как с точки зрения создания и существования, так и с точки зрения политической судьбы. Таким образом, целью настоящей статьи является оценка степени эффективности национальной политики японцев в отношении экстраординарных административно-территориальных единиц (областей / губернаторств) провинции Хинган (Синьань), охарактеризовав предварительно каждую из областей / губернаторств.

Северная область создавалась одновременно с Южной и всей провинцией Хинган в целом 9 марта 1932 г. с центром в Хайларе, охватывая почти целиком Баргу [1. С. 32] с населением 69 тыс. человек (в 1933 г. против 72 тыс. в 1929 г.). В составе области оказалось два хошуна Сулунь-Ци (или Солонские хошуны, ныне единый Эвенкийский автономный хошун в Хулун-Буире) (1) левого и (2) правого крыльев, (3) Шинэ-Барга-Цзоици и (4) Шинэ-Барга-Юци (Знамена новых баргутов левого и правого (бурятский район) крыльев, ныне одноименные хошуны Хулун-Буира), (5) Чэнь-Барга-Ци (Знамя Старой Барги, ныне одноименный хошун Хулун-Буира), (6) Аргунь-Юици и (7) Аргунь-Цзоици (Аргуньские или Олетские знамена правого и левого крыльев, ныне городские уезды Аргунь и Гэньхэ Хулун-Буира соответственно), а также (8) Элуньчунь-Ци (или Ороchonский, куда входили четыре сомона из состава хошуна Морин-Дава-Ци, ныне Ороchonский автономный хошун Хулун-Буира).

1 декабря 1934 г. Северная область была преобразована в губернаторство, а состав хошунов изменился: хошуны Сулунь-Ци левого и правого крыльев были объединены в единый (1) хошун Сулунь-Ци (с сохранением внутреннего деления на два крыла: в левое крыло входило 3 знамени: желтое с каймой, белое и белое с каймой; в правое крыло входило 4 знамени: желтое, красное, красное с каймой и синее с каймой); Аргунь-Юици присоединился к (2) Аргунь-Цзоици (желтого знамени с каймой в составе двух сомонов), а (3) Шинэ-Барга-Цзоици (8 знамен), (4) Шинэ-Барга-Юици (бурятский), (5) Чэнь-Барга-Ци (синего знамени)

и (6) Элуньчунь-Ци (синего знамени с каймой в составе двух сомонов) [1. С. 42] остались в неизменном виде.

1 октября 1943 г. с объединением областей в единую провинцию Хинган Северное губернаторство было преобразовано в региональную администрацию Северной области провинциального управления Хингана в составе 6 хошунов: Сулунь-Ци, Шинэ-Барга-Цзоици, Шинэ-Барга-Юици, Чэнь-Барга-Ци, восстановленного Аргунь-Юици и Аргунь-Цзоици, а также двух городов: Хайлара и Маньчжурии.

Особенностью Северного губернаторства было наличие в его составе двух территорий с особым статусом. Первая – район казачья станица Трехречья (долины рек Гана, Дербула и Хаула) во главе со станичным атаманом и административным центром в пос. Драгоценка [1. С. 43]. Второй территорией с особым статусом выступал бывший Особый район Трех Восточных провинций, созданный в границах Полосы отчуждения КВЖД. Аналогичная Полоса отчуждения создавалась южнее Харбина после отхода к Японии ЮМЖД [2]. Во второй половине 1920-х гг. ситуация на КВЖД характеризовалась противостоянием советской и китайской сторон, выливаясь в отдельных случаях в крупные столкновения [3]. С образованием Маньчжоу-Го район был переименован в Особый район Северной Маньчжурии (далее – Особый район), сохранив старые границы.

Руководителем Особого района по-прежнему выступал главноначальствующий, которым 14 марта 1932 г. стал его прежний руководитель Чжан Цзяньхуэй, будущий премьер-министр Маньчжоу-Го (1935–1945) и последний министр по делам Монголии (в мае-июне 1937 г.). Свое назначение на пост главы Особого района он получил еще от Чжан Сюэляна, удивившись в нем формально в Нанкине в июне 1931 г. [4. С. 58]. Вслед за инцидентом 18 сентября 1931 г. Чжан Цзяньхуэй созвал совещание руководителей различных органов в своей резиденции, чтобы предложить создать «Временную ассоциацию безопасности Особого района», которая бы отвечала за поддержание общественной безопасности. Идея была воплощена лишь с третьей попытки 26 сентября 1931 г. в формате Комитета по политическому обеспечению Особого района, преобразованного на следующий день в одноименную Ассоциацию. 30 сентября Чжан Цзяньхуэй объявил о наборе 2 500 полицейских для обеспечения безопасности и организовал их в пять полицейских подразделений, упразднив при этом должности руководителей профильных ведомств по образованию, земельным вопросам и коммуникациям и приняв в помощь японского советника [5. С. 254]. 10 марта 1932 г. он был назначен спикером сената Маньчжоу-Го и главой Особого района Северной Маньчжурии.

Нормативно-правовую основу Особого района составило Положение «Об организации Управления Особого района Северной Маньчжурии», утвержденное указом верховного правителя Маньчжоу-Го № 52 от 21 июня 1933 г. (2 г. эры Да-Тун, исправлено высочайшим указом № 67 императора Маньчжоу-Ди-Го в 1934 г. после провозглашения империи). Высшим органом становилось Управление Особого района, которое возглавил главноначальствующий, непосредственно подчиняющийся министру внутренних дел. Его задачами были исполнение законов и распоряжений и управление административными делами в пределах Особого района [6. С. 91]. По сравнению с полномочиями предыдущего руководителя полномочия нового главы района были существенно уменьшены. В области кадровой политики отныне главноначальствующий мог осуществлять назначения только в отношении служащих разряда Вэй-жэнь (младший персонал), более крупные назначения осуществлялись через представление министру. Те же ограниченные полномочия у него были и в отношении местных органов власти: при осуществлении общего руководства и надзора над городскими головами и сельскими старостами глава Особого района должен был представлять доклады министру о назначениях, увольнениях, наградах и взысканиях с них.

Главноначальствующий мог издавать циркуляры Особого района, касающиеся административных дел, на основании собственной компетенции или особого полномочия. Однако правила в отношении управления городами и поселками он был уполномочен устанавливать лишь в особом порядке и с разрешения министра. Самостоятельно он устанавливал правила об организации отделов каждой службы Управления Особого района, но правила, относящиеся к старшим полицейским и полицейским, и их распределение по местам устанавливались только с разрешения министра внутренних дел.

При возникновении необходимости участия вооруженных сил для поддержания общественного порядка главноначальствующий должен был представлять об этом доклад министру, но при чрезвычайных обстоятельствах мог требовать от местного командующего войсками присылки войск. Он имел право отменить или приостановить действия начальников полицейских участков, если признавал, что они противоречат постановлениям и вредят общественным интересам или превышают их компетенцию.

В отличие от периода вхождения в состав Китайской Республики, у главноначальствующего отсутствовала администрация или организационная часть. 21 июля 1933 г. указом верховного правителя было утверждено Положение «Об учреждении должностей советников в Управлении Особого района Северной Маньчжурии», которым позволялось временно учреждать должности советников в количестве не более трех человек разряда Цзянь-жэнь (высшие должности), которые бы отвечали на запросы главноначальствующего и содействовали бы ему в управлении Особым районом [6. С. 95].

В структуре Управления Особого района создавалось пять служб: Служба общих дел, Административ-

ная служба, Служба полицейских дел, Служба народного образования и Земельная служба. К ведению Службы общих дел относилось ведение секретных дел, дел, касающихся иностранцев, хранение казенных печатей, вопросы, касающиеся личного состава, документооборота, счетоводства, статистики и обследований, а также прочие дела, не отнесенные к ведению других служб. К ведению Службы народного образования относились организация народного образования и школьных искусств и ремесел, а также вопросы, касающиеся церемоний, традиций и религии. К ведению Административной службы относились надзор за самоуправлением, вопросы местного управления и финансов, оказание помощи в случае стихийных бедствий и помощь нуждающимся, организация публичных работ и вопросы промышленности. К ведению Земельной службы относились управление и обследования земель. В отношении этих двух служб главноначальствующий мог создавать их территориальные отделения в тех местностях, где это было необходимо.

К ведению Полицейской службы относились надзор за общественным порядком, вопросы административного и судебного производства. В важных местах в пределах Особого района Северной Маньчжурии учреждались полицейские участки, наименование, местонахождение, подведомственная территория и штат которых устанавливались главноначальствующим с одобрения министра внутренних дел. Начальники полицейских участков назначались из числа старших полицейских инспекторов или полицейских инспекторов. Начальники полицейских участков находились под руководством главноначальствующего, ведали на подведомственных им территориях делами, касающимися полиции, и осуществляли руководство и надзор над подчиненными им чиновниками. Старшие полицейские инспекторы, за исключением тех, которые занимали должности начальников полицейских участков, осуществляли руководство и надзор над подчиненными им полицейскими инспекторами, полицейскими надзирателями, старшими полицейскими и полицейскими. Полицейские инспекторы, за исключением тех, которые занимали должности начальников полицейских участков, занимались полицейскими делами и осуществляли руководство и надзор над полицейскими надзирателями, старшими полицейскими и полицейскими. Полицейские надзиратели занимались полицейскими делами и осуществляли руководство подчиненными им старшими полицейскими и полицейскими.

Во главе каждой из служб находились начальники, причисленные к разряду Цзянь-жэнь. Помимо них штатный состав этого же разряда Управления предусматривал должности секретаря, который ведал секретными и особо порученными ему делами, семерых старших делопроизводителей, одного старшего технического инспектора, тринадцати делопроизводителей, девяти старших полицейских инспекторов, одного технического инспектора и двух учебных инспекторов. Штат сотрудников разряда Вэй-жэнь состоял из младших служащих, полицейских инспекторов и полицейских надзирателей, техников, численный состав отдавался на усмотрение главноначальствующего [6. С. 91–93].

Поскольку 23 марта 1935 г. между Советским Союзом и Маньчжоу-Го было подписано Соглашение о продаже КВЖД, с 1 января 1936 г. железная дорога перешла под полный государственный суверенитет новых властей региона, в связи с чем необходимость в существовании Особого района и его особом статусе отпала. В результате он был ликвидирован, а территории вошли в состав вновь образованных провинций Маньчжурского государства.

Первым губернатором этой части Хингана стал сын хулунбуирского фудутуна Гуй Фу по имени Лин Шэн (1886–1936), с именем которого связаны наиболее драматичные события региона, послужившие переломным моментом в отношении монголов к японцами как в Манчжурии, так и во Внутренней Монголии. В связи с этим на личности Лин Шэна и событиях, приведших его к гибели, следует остановиться более подробно. Хорошо образованный, после окончания школы он служил на различных постах особого округа Хулун-Буир, главой которого был его отец. Организуя оборону региона от войск Бабуджава, Лин Шэн проявил свои организаторские способности и вскоре стал одним из самых авторитетных деятелей Хулун-Буира. В числе других политических деятелей, осознавая изменение международной и внутривосточной ситуации, 6 января 1920 г. Лин Шэн поддержал обращение к китайским властям с просьбой об отмене особого статуса для Хулун-Буира. Занимая государственные посты, он уделял пристальное внимание национальным и региональным интересам и выступал за приоритет животноводства над растениеводством. Им были предложены меры по ограничению въезда китайских фермеров на территорию округа, запрет военным и полицейским чинам покупать за бесценок скот и продукты животноводства. Чтобы предотвратить бандитизм, уменьшить влияние военных и смягчить суровые налоги, во взаимодействии между властями в Хайларе (столица округа) и Цицикаре (столица провинции) он часто использовал приемы «челночной дипломатии», что в значительной мере способствовало стабильности в округе.

В 1928 г. Лин Шэн вошел в состав Законодательного Юаня. Серьезную проблему, вылившуюся в дальнейшем в обвинения в предательстве, ему создал конфликт на КВЖД в 1929 г. Лин Шэн возглавил созданный в Хайларе местный Совет по предотвращению военных действий и безопасности, от его имени принял участие в переговорах с представителями советской армии. В результате этих переговоров были достигнуты договоренности о том, что в случае крупномасштабных военных действий между Советским Союзом и Японией Хулун-Буир станет опорной базой для советских войск. Переговоры оказались предметом нескольких расследований, организованных японской стороной после 1931 г., оставшимися, однако, без подтверждения, но заронившими подозрения в его отношении в японской среде.

После японского вторжения Лин Шэн вошел в состав Северо-Восточного Политического совета, который обеспечивал создание и легитимацию Маньчжоу-Го. Очевидно, как и большинство монгольских лидеров той эпохи, он питал иллюзии и был уверен в правиль-

ности совершаемых действий, надеясь на свободу от китайского влияния. Поэтому вместе со своим отцом он как представитель Хулун-Буира отправился встречу с Пу Йи и там просил его стать маньчжурским императором. После создания Северной области стал ее губернатором, сохранив этот пост после реформы декабря 1934 г. Лин Шэн был в числе делегатов по демаркации монгольско-маньчжурской границы, первая встреча по которой состоялась 3 июня 1935 г. на станции Маньчжурия.

Однако его деятельность практически сразу столкнулась с той системой, которую выстраивала японская сторона, что не могло не вызывать у него раздражения, а у японцев – подозрений в сепаратистских настроениях Лин Шэна. Во-первых, его жесткая позиция по ряду вопросов вылилась в едва ли не открытый конфликт с японскими советниками, мнение которых, подразумеваемое как окончательное, он игнорировал при принятии решений, указывая им на их юридическое место – гости и советчики. Лин Шэн говорил о том, что если японцы хотят что-то обсудить, то это можно обсудить, но если они не готовы обсуждать, тогда пусть лучше молчат. Аналогичная ситуация складывалась и с представителями Квантунской армии, поэтому в глазах японцев он значился как ненадежный элемент.

Во-вторых, разногласия возникали и при попытках японцев заставить монголов отдавать дань уважения своей богине Аматерасу. Наиболее показательный инцидент произошел в октябре 1932 г., когда Лин Шэн и ряд его приближенных отказались посещать церемонию поклонения богине.

В-третьих, в то время как другие монгольские и маньчжурские чиновники отправили своих детей на учебу в Японию, что напоминало древний обычай их выдачи победителю в качестве заложников, Лин Шэн сумел не допустить подобного и оставить своего единственного сына Ши Цзая в качестве своего телохранителя, а затем перевел в Харбин на работу на КВЖД, где он изучал политологию, право и русский язык.

В-четвертых, в июне 1935 г. во время проведения «Маньчжурской конференции» с участием представителей монголов из Маньчжурии и Внутренней Монголии при обсуждении политики в отношении других монгольских территорий Лин Шэн, не имея права голоса и получив предписание дать слово японским представителям, сделал это, однако затем вступил с ними в полемику и дискредитировал их предложения.

В-пятых, Лин Шэн отказался снабжать японскую сторону сведениями относительно своих соотечественников, а аналогичные просьбы в отношении других монголов наткнулись на сопротивление, мотивированное противодействием Лин Шэна.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения японцев, стало совещание четырех хинганских губернаторов, организованное в марте 1936 г. На нем в ответ на озвученный План реализации национальной политики в Маньчжурии Лин Шэн обрушился на японцев с критикой. Он настаивал на недопущении увеличения потока эмигрантов из Японии, усиления контроля над монгольскими хошунами, разделения Восточной Внутренней Монголии на губернаторства

по аналогии с Хинганом и против других предложений. В итоге все предложения японцев провалились. Японские военные были полны решимости устранить Лин Шэна, который выступал камнем преткновения в их все более ужесточающейся политике.

Чтобы предотвратить назревающее противодействие, грозящее перерасти в открытое сопротивление, в конце марта 1936 г. японские военные в ряде городов, включая и Хайлар, ввели военное положение. Японская секретная служба и военная полиция 29 марта 1936 г. арестовали близких друзей Лин Шэна и его подчиненных в количестве более 20 человек, в том числе его младшего брата Цзы Сунтина (1889 г.р.) и его зятя Цзы Цзысина, начальника штаба Отдела полиции, а также других хошунных полицейских чинов, директора департамента по общим вопросам, начальника финансового отдела, мэра Хайлара и др.

Лин Шэн вернулся из Синьцзина в Хайлар, но едва он вышел из машины, как тоже был арестован японской военной полицией вместе со своим секретарем, переводчиком и другим братом Минтаем (1898 г.р.). После ареста все задержанные были подвергнуты пыткам в штаб-квартире японской жандармерии в Хайларе, но никто из них не признал свою вину в инкриминируемых преступлениях. Понимая, что рано или поздно японцы добьются своей цели и признания будут получены, Лин Шэн вынужден был взять вину на себя, тем самым избавив от наказания своих приближенных.

12 апреля 1936 г. Лин Шэн и еще шесть человек были переведены в Синьцзин. В ходе судебного разбирательства они не признавали свою вину. 19 апреля японское командование Квантунской армии издало коммюнике, в котором заявлялось о доказанности причастности Лин Шэна и его приближенных к заговору и о приговоре их к смертной казни. 24 апреля 1936 г. приговор в отношении Лин Шэна и еще трех высокопоставленных лиц из числа хинганских элит был приведен в исполнение через обезглавливание. Несколько человек получили длительные тюремные сроки и умерли в заключении, а большинство его приближенных лишились должностей и провели по несколько месяцев в заключении. Прежде чем вынести приговор, Лин Шэну позволили увидеться с родственниками. Находясь в заключении, он сумел переправить на волю несколько своих работ, которые служили своеобразным призывом к сопротивлению.

В ответ на это японское командование Квантунской армии выпустило секретное «Руководство по прохождению государственной службы» в 30 пунктах, которое надлежало раздать японским советникам. В первом пункте говорилось, что японская нация является ядром маньчжурской государственности и естественным наставником жителей Маньчжурии, ее место – не старшего брата, а хозяина. В девятом пункте говорилось о важности Хингана, что должно было подчеркнуть мудрость создания специального министерства для этого региона, поэтому монголы и их интересы были в приоритете маньчжурско-монгольской политики Японии. Поскольку в Маньчжурии проживали более 1 млн монголов, у многих из них были родственники и имелись кровные связи с Внешней Монголией,

в связи с чем четко прослеживалась и связь с Советской Россией, поэтому японцам предписывалось быть бдительными и помнить, что предатели всегда выявляются и сурово наказываются.

Лондонская «Тайм» в своей статье охарактеризовала казнь четырех важных должностных лиц Северного губернаторства провинции Хинган, произведенную накануне, как первый сигнал признания японцами того, что их монгольская политика провалилась. Всего неделю назад, говорилось в газете, Квантунская армия объявила, что один из казненных, генерал Лин Шэн, был уволен со службы. Утверждалось, что во время китайско-советского конфликта на КВЖД в 1929 г., когда советский командующий достиг Хайлара, генерал Лин Шэн получил от советской стороны обещания поддерживать Внутреннюю Монголию и с тех пор снабжал врагов Японии информацией. Однако и британские, и другие международные обозреватели утверждали, что основная причина провала японской политики заключалась в высокомерном отношении японцев к монголам и взаимной антипатии: «За редким исключением японские солдаты, работающие в контакте с монголами, проявляли к ним явную антипатию. Согласно официальному заявлению, отношения окончательно разладились, когда генерал Лин Шэн и его сообщники были признаны виновными в заговоре с целью обеспечения независимости Северного Хингана» [7. Р. 9].

После казни Лин Шэна его отца Гуй Фу заставили подать в отставку. Пу И, намеревавшийся отдать одну из своих сестер замуж за Ши Цзая, отменил помолвку, а самого Ши Цзая заставили бросить обучение и перевестись в Токийский ветеринарный колледж. Имущество семьи Лин Шэна было описано.

«Инцидент с Лин Шэном» послужил отрезвляющим средством для тех монголов, которые все еще питали иллюзии в отношении японцев, а сам Лин Шэн, несмотря на свой образ жизни и первоначальную готовность к сотрудничеству с японцами, был причислен к героям и патриотам. Даже Пу И в своих мемуарах признается в том, что именно «Инцидент с Лин Шэном» заставил его начать чувствовать разочарование в японцах [8. С. 154].

Следующим губернатором стал Эрцин Бату (или Эрчинбат; 1882–1951), бывший к тому времени крупным медиком, известным далеко за пределами Барги. В 1926 г. он основал первую государственную школу, куда принимал детей скотоводов, а также строил храмы. В одном из них он и основал медицинское училище для подготовки врачей из числа лам. Не пренебрегая никакой работой, часто лечил бесплатно пастухов, а с образованием Маньчжоу-Го возглавил в Новой Барге хошун левого крыла. Осуществляя обязанности губернатора, Эрцин Бату организовал опубликование исторических книг Хулун-Буира, а также занимался переводом маньчжурской литературы. После капитуляции Японии в августе 1945 г. при поддержке Красной Армии в Хайларе в октябре 1945 г. было создано правительство автономной провинции Хулу-Буир, председателем которого стал Эрцин Бату. После победы в гражданской войне коммунистов и провозглашения Китайской Народной Республики его карьера не

завершилась, и он продолжал управлять Хулун-Буиром до своей смерти.

Не менее интересна судьба Западной области / губернаторства. После мартовской оккупации провинции Жэхэ 10 мая 1933 г. было принято решение об образовании на ее северных территориях выше течения реки Шара-Мурэн четвертой – Западной – области (с 1 декабря 1934 г. – губернаторство) Хингана [9] со столицей в Кайлу, статус которой был закреплен 12 июля 1933 г. соответствующим постановлением. В.А. Кормазов указывал, что, по данным синьцзинской газеты «Датунбао» от 6 декабря 1933 г., общая численность населения губернаторства составляла 419 900 человек, однако сам приводил другую численность: 677 781 человек [1. С. 70]. Он же в своей работе отмечает: «Территория Западного губернаторства состоит из бывших 6 уездов провинции Жэхэ, расположенных к северу от р. Шара-Мурэни. В частности, из уездов в губернаторство вошли: Цзинпэн, Линьси, Линдун, Тяньшань, Лубэй и Кайлу» [1. С. 68].

Таким образом, на политической карте Маньчжоу-Го появляется новая административно-территориальная единица в составе хошунов современного городского округа Чифэн (1) Ару-Хорчин-Ци (ныне одноименный хошун), (2) Байрин-Цзоци и (3) Байрин-Юци (хошуны левого и правого крыльев байринов, ныне одноименные хошуны), (4) Хэшигтэн-Ци (хошун кэшиков, ныне одноименный хошун) и (5) Линьси (ныне одноименный уезд), а также хошунов современного городского округа Тунляо (Баиньталай) (6) Найман-Ци (хошун найманов, ныне одноименный хошун), (7) Джаруд-Цзоци и (8) Джаруд-Юци (хошун левое и правое крыльев джарудов), объединение в 1935 г. в единый хошун (7) Джаруд-Ци (ныне одноименный хошун). 1 декабря 1934 г. к имеющимся хошунам добавился (9/8) Оннюд-Цзоци (хошун оннюдов левого крыла, ныне одноименный хошун городского округа Чифэн), переданный в 1937 г. в ведение провинции Жэхэ.

Равно как и Южная область / губернаторство, эта часть Хингана была выстроена на основе древнего княжеского деления: Цзун и Барун Джаруд, Ару-Хорчин, Байрин и Хэшигтэн. Аймак-хошун Ару Хорчин был разделен на 50 сомонов, и на его территории располагался 21 кумирня [1. С. 68], аймак Байрин подразделялся на два хошуна – Цзун с 16 и Барун – с 26 сомонами, особенностью этой территории было наличие ежегодной июньской ярмарки [1. С. 69], аймак-хошун Хэшигтэн состоял из 10 сомонов, а аймак Джаруд, разделялся на Цзун и Барун, по 16 сомонов каждый [1. С. 68]. На 1 октября 1943 г., перед преобразованием Западного губернаторства в областную администрацию провинциального подчинения Хингана, состав земель Западного губернаторства включал четыре хошуна: Ар-Хорчин-Ци, Байрин-Цзоци и Байрин-Юци, Хэшигтэн-Ци и уезд Линьси в качестве столицы.

1 октября 1943 г. провинция Хинган была преобразована в главную провинцию со столицей Улан-Хото [10], а губернаторства – снова в области: Северная область управлялась из Хайлара, Восточная – из Чжалантуни, Южная – из Кайлу, а Западная – из Линси.

Особого внимания заслуживали город Тунляо и его окрестности, прежде всего из-за стратегической и экономической важности этого района. Здесь уместно привести цитату из работы преподавателя статистики и экономики Маньчжурии Юридического факультета г. Харбина, известного экономиста В.И. Сурина: «Важнейшим районом является район г. Тунляо (Баиньталай). Город лежит на обширной равнине, орошаемой рекой Силяохэ и ее притоком Сюоцинхэ. Раньше район этот являлся районом чисто скотоводческим, но с 1912 г. здесь было приступлено к распашке земель, и ныне это самый плодородный район Восточной Монголии. В окрестностях Тунляо расположен, между прочим, ряд земледельческих ферм, заселенных корейцами, число которых здесь превышает 14 тысяч человек. Из земледельческих продуктов в Тунляо преимущественно подвозятся бобы, гуцца, гаолян, сяомицца, солодковый корень, семена дынь. По данным агентства “Кокусай Унью”, подвоз этот за последние годы выразился следующими цифрами: 1926 г. – 3 910 вагонов, 1917 – 3 111, 1928 – 2 735. До последнего времени большая часть сельскохозяйственных продуктов шла в Сьпингай, Инкоу и Дайрен, и лишь небольшая часть уходила на Бэйпинскую железную дорогу. Лишь в кампанию 1930/1931 г. положение это резко изменилось в пользу Бэйпинской ж.д. Из окружающих хошунов Восточной Монголии сосредоточивается к Тунляо значительное количество кож, шкур и пушнины. Общее количество последних оценивается японцами в 1 400 000 штук. Кроме того, в прилегающих к Тунляо районах княжества Дарханван собирается до тысячи тонн лекарственных трав. Из ввозных товаров в Тунляо первое место занимают хлопчатобумажные ткани, нитки, мука, сахар и разные цзаховые товары, причем 70% последних ввозится через Инкоу» [11. С. 207]. Из приведенного отрывка мы можем понять характер внехошунной организации ханганских территорий, гармоничность управления которыми также входила в задачу новых маньчжурских властей.

После «инцидента с Лин Шэном» японские власти стали осторожнее относиться к монгольским князьям, которые оказались не так надежны, как изначально предполагалось. Ситуация требовала изменения политики и укрепления режима, в связи с чем после отставки с поста министра по делам Монголии Цзаймутэза Мубилая в мае 1937 г. эту должность на короткое время занял маньчжурский премьер-министр Чжан Цзянхуэй.

1 июля 1937 г., накануне начала военных действий с Китаем, министерство вновь преобразуется в Управление, начальником которого назначается Чжагар Доржи (1884–1944), единственный сын князя хошуна Байрина правого крыла Эрцин Баяра, имевшего большой авторитет при цинском дворе. С именем князя были связаны активные процессы по распашке территорий хошуна, в связи с чем пастбища приходили в негодность, а скотоводы и пастухи вынуждены были уходить вглубь княжества [12. С. 150–156], а также сотрудничество с японцами во время Русско-японской войны. Известен инцидент, когда японские шпионы, переодетые в ламские одежды, убедили князя и его

сподвижников провести их через монгольские земли в тыл русских и попытались взорвать Хайларский железный мост, чтобы парализовать перевозку русской армии, но потерпели неудачу и бежали через Чжанцзякоу в Пекин. В переходный период князь поддержал республику, осуждал любые уступки по Внешней Монголии, за что пользовался благосклонностью пекинского правительства и Юань Шикая, обеспечившего князю в 1913 г. председательство в Чжуудском сейме и называвшего его «Ключом к Восточной Монголии» и «Надежной опорой / стеной». После смерти Юань Шикая председательский пост был им оставлен, князь занялся разведением овец, пытаясь строить бизнес с японцами, брал под залог своих княжеских земель кредиты, но потерпел неудачу.

После образования Западной области Чжагар Доржи стал ее губернатором, а с 1 июля 1937 г. по 25 марта 1941 г. был членом маньчжурского правительства в статусе главы Управления по делам Монголии. На этом посту во время битвы на Халхин-Голе в 1939 г. Чжагар Доржи должен был выступить главой делегации переговорщиков с представителями МНР, однако был отозван в Синьцзин. В 1941 г. стал заместителем председателя Государственного совета. Летом 1944 г. в Синьцзине князь принял участие в приеме, организованном Квантунской армией, после чего слег с дизентерией и вскоре умер, что породило слухи о его отравлении. Его преемником в Байрине стал дядя, брат Эрцин Баяр Эрмус Базар.

В марте 1941 г. Чжагара Доржи сменил упоминаемый выше командующий 9-м военным округом Маньчжоу-Го джалайтский князь Бадма Рабдан, находившийся в этом статусе до октября 1943 г., когда последовала очередная реформа, упразднившая Управление по делам Монголии и создавшая институт губернатора единой провинции Хинган, на которую был назначен Боян Манду.

Одновременно с упразднением губернаторств и созданием областей в 1943 г. путем передачи территорий от бывших губернаторств создается центральная область Синчжун с центральным подчинением в составе шести знамен, (1) Джалайд-Ци, (2) Сулунь-Ци, Хорчинские правых крыльев (3) передний, (4) центральный и (5) тыльный хошуны Южного и (6) Джаруд-Ци Западного губернаторств, а также (7) округ Цицюань [13].

Еще одним государственным институтом новой монгольской провинции стала Хинганская армия, сформированная как часть Маньчжурской армии в апреле 1932 г., на которую была возложена задача обеспечения охраны маньчжурской границы в районе Барги и Жэхэ. Армия была создана как народное ополчение из числа преимущественно монгольской молодежи при участии японских военных советников в регионе [14. С. 115]. В мае 1932 г. в Южной области была создана Хинганская гвардия, командующим которой в звании генерал-майора был назначен упоминаемый выше князь Джалайта Бадма Рабдан, а начальником штаба стал сын Бабуджава Ганчжурчжав.

В апреле 1933 г. была создана Восточно-Хинганская гарнизонная армия во главе с маньчжурским генералом Уржином Гармаевым [15. С. 183–184], который

был одним из подозреваемых в деле «Инцидента с Лин Шэном» в 1936 г., но обвинений ему предъявлено не было [16. С. 114–115]. После захвата Жэхэ для контроля над границей новой присоединенной к Маньчжурии территории на базе 4-го отряда Военной полиции Монгольской добровольческой армии автономного монгольского района Чадун, которым руководил Ли Шоусинь, была создана Западно-Хинганская гарнизонная армия во главе с братом У Хэлина У Гутином, будущим крупным военным чиновником Мэнцзяна и Алашаньской республики. После образования империи все военные соединения были консолидированы под руководством Ганчжурчжава, а в 1938 г. на территории Хингана был сформирован отдельный военный округ [15. С. 132]. Позднее он был переподчинен 9-му округу в Тунляо и 10-му военному округу в Хайларе [17. С. 185]. Во главе округа встал полковник Гуро Батор, а начальником Штаба с января по март 1938 г. был старший брат Ганчжурчжава Чжэнчжуржав, в 1943–1945 гг. бывший начальником Штаба 10-го военного округа.

Одновременно с этим в 1932 г. с подчинением Центральному армейскому учебному управлению Маньчжоу-Го было создано его Монгольское отделение, неэффективность которого стала очевидна практически сразу: другой менталитет, язык, образ жизни накладывали свой отпечаток. В результате 1 июля 1934 г. было принято решение о преобразовании отделения в первую во Внутренней Монголии специализированную школу офицеров, расположенную в Чжалантуни. Директором школы стал Бадма Рабдан, а первоначальный набор составил 72 учащихся. 1 августа 1932 г. она была перенесена в Ваньмяо (ныне – Улан-Хото), а в октябре 1939 г. была переименована в Хинганское военное училище [17. С. 46–47].

Среди крупных военных операций, проведенных Хинганской армией и ее соединениями, значились военные действия против отрядов Су Бинвэня в Хулун-Буире по их вытеснению на территорию СССР в 1932 г., действия в Жэхэ в 1933 г., военные конфликты на границе с Монголией в 1935 г., захват чахарских территорий в 1936–1937 гг., Датуна в сентябре 1937 г. и операции против коммунистов, вторгшихся в Жэхэ в 1938 г. [17. С. 107–108], а также бои на Халхин-Голе, где командующим выступал Уржин Гармаев [17. С. 152–155].

9 августа 1945 г. Советский Союз объявил войну Японии, и в тот же день Ганчжурчжав в звании генерал-лейтенанта был назначен командующим 9-м военным округом (незадолго до этого Хинганская армия была разделена на 9-й и 10-й военные округа Маньчжурской императорской армии).

12 августа 1945 г. им был дан приказ отступить к Тунляо. После того как 15 августа приказ был выполнен, все войска сконцентрированы в одном месте, Ганчжурчжав на рассвете 16 августа вместе со своим адъютантом верхом на конях отбыли в неизвестном направлении, после чего японским командованием было принято решение о ликвидации 9-го округа [15. С. 176–177]. Его брат Чжэнчжуржав получил приказ увести войска 10-го округа в горы для организации обороны, однако 11 августа в 10.00 последний поднял

восстание, убил 29 японских офицеров и 13 августа перешел вместе с 2 тыс. солдат на сторону Красной Армии. Другая часть его соединений, не желавшая сдаваться, разбежалась [15. С. 166]. Оставшиеся военные соединения были преобразованы в Народную автономную армию Народного автономного правительства Восточной Монголии.

Ганчжуржав был арестован Красной Армией, переведен сначала в Чаньчунь, затем в Фушунь, где содержался до 1966 г., амнистирован и умер в 1971 г. Чжэнчжуржав также подвергался аресту как военный преступник, был переброшен в Хабаровск, а в 1950 г. переведен в Фушунь, амнистирован в 1960 г. После освобождения работал в Хайларском колхозе, с 1963 по 1965 г. выпустил целую серию мемуаров. В время «Культурной революции» подвергся жестоким преследованиям и, не выдержав давления, в 1967 г. повесился на дереве в огороде колхоза.

Подводя итог роли и значению провинции Хинган в качестве эталона реализации разумной национальной политики японцами на контролируемых ими территориях Северо-Восточного Китая, отметим, что первоначальный ее успех в Восточной и Южной областях / губернаторствах к началу 1936 г. быстро сошел на нет. Отчасти это было продиктовано внешними факторами. Так, СССР укрепил дальневосточные рубежи, заключил ряд международных договоров с западными странами, создал военный блок с МРН, поэтому успех совместных маньчжурско-монгольско-японских соединений при непосредственном военном столкновении был теперь далеко не очевиден. По этим причинам планирование продвижений вглубь континента, на Сибирь, отныне оказалось для Японии потенциально возможным лишь с фланга: через приграничные монгольские земли – в МНР, и далее – через захват Транссибирской железной дороги и изолирование доступа к морским

территориям и портам. А это требовало увеличения роли военных в вопросах управления подконтрольными японцам территориями.

В то же время в самой Японии политическая ситуация была далека от стабильной, военные в усилении своего влияния достигли апогея, и это не могло не отразиться на поведении командования Квантунской армии, которое и раньше назвать умеренным возможно было не всегда. Теперь же военные сосредоточили в своих руках все рычаги управления, причем как в своей сфере, так и в сфере гражданской администрации. До определенного момента созданная конструкция в виде Хинганской автономной провинции работала, пусть и не без напряжения, но и без кровавых столкновений [18]. Все изменили события, известные как «Путч молодых офицеров», или «Инцидент 26 февраля» 1936 г., в результате которых военные фактически установили контроль над внутренней и внешней политикой. Постепенная смена более умеренных деятелей на континенте сопровождалась более поспешными решениями и фактической автономизацией командования Квантунской армии, что и привело к «Инциденту с Лин Шэном». Милитаризация центральных аймаков и создание Военного правительства Внутренней Монголии весной-летом 1936 г. дополняли картину. С точки зрения тактики японская политика в регионе не пострадала: контроль логистических путей и созданные за последние пять лет военные базы [19. Р. 316] не оставляли шансов на сопротивление. Однако стратегически смена курса и превращение монголов из союзников в подозреваемых, а японцев – в захватчиков были отложенным поражением. Как только представилась возможность, авторитетные деятели государственного аппарата Хингана выступили против оккупантов, сначала подпольно, а затем и в открытых столкновениях. «Хинганский проект» провалился.

Список источников

1. Кормазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–74.
2. Петелин И. Поселковое управление в полосе Южно-Маньчжурской железной дороги // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 44–56.
3. Дацшэн В.Г. Конфликт на КВЖД. Из опыта использования силового давления для разрешения межгосударственных противоречий // Eurasia: Statum et Legem. 2016. № 6. С. 25–37.
4. Дуу Интай. От атамана разбойников до премьер-министра марионеточного государства Маньчжоуго: Чжан Цзинхуэй // Весна и Осень Китайской Республики. 1998. № 01. = 竇应泰, 从土匪头目到伪满总理大臣的张景惠, 民国春秋1998年第01期.
5. Записи по провинции Хэйлуцзян. Харбин : Народное изд-во провинции Хэйлуцзян, 1983. Т. 76. = 黑龍江省誌 第76卷, 黑龙江人民出版社, 1983年第.
6. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го : на русском языке. Харбин : Осава Жун, 1935. Вып. 1. 435 с.
7. Japan's policy in Mongolia. First hint of failure // Sunday Mail. 1936. April 26.
8. Пу И. Первая половина моей жизни : воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М. : Прогресс, 1968. 424 с.
9. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1933. 10 мая. № 130. = 滿洲國《政府公報》第130號 1933年5月10日.
10. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1943. 20 сент. № 2789. = 滿洲國《政府公報》第2789號 1943年9月20日.
11. Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае : материалы к транспортной проблеме в Китае и Маньчжурии / Экон. бюро Кит. Вост. жел. дороги; предисл. М.Я. Михайлова. Харбин : Тип. КВЖД, 1932. LVIII, 396 с.
12. Продолжение списков знати Внутренней Монголии в новую и новейшую эпоху. Комиссия по делам литературных и исторических материалов при Комитете Народного политического консультативного совета Китая по автономному району Внутренняя Монголия. 1989. = 内蒙古近现代王公录续编, 中国人民政治协商会议内蒙古自治区委员会文史资料委员会, 1989.
13. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 1943. 29 окт. № 2822. = 滿洲國《政府公報》第2822號 1943年10月29日.
14. Мори Хисао. Японская сухопутная армия и разведывательная деятельность во Внутренней Монголии. Почему армия Кан-Дэ действовала в одиночку. Токио : Коданся, 2009. = 森久男. 日本陸軍と内蒙工作 関東軍はなぜ独走したか. 講談社. 2009.
15. Макинами Ясуко. 5000-дневная армия: офицеры Маньчжоу-Го. Токио : Соринша, 2004. = 牧南京子 《五千日的军队—满洲国军的军官们》 创林社, 2004年.
16. Кацухико Танака. Номонганский инцидент: Монголия и Маньчжоу-Го. Токио : Иванами сэтэн, 2009. = 田中克彦 《诺门罕战役—蒙古国与满洲国》 岩波书店〈岩波神钢〉, 在2009年.

17. Одава Чикамицу. Тайная история маньчжурской армии. Роль японских военных офицеров. Токио : Касивасэбо, 1976 = 小澤親光. 秘史満州国軍-日系軍官の役割. 柏書房. 1976.
18. Lattimore O. The Unknown Frontier of Manchuria // Foreign Affairs. 1933. Vol. XI (2). URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1933-01-01/unknown-frontier-manchuria>
19. Lattimore O. Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958. London : Oxford University Press, 1962. 565 p.

References

1. Kormazov, V.A. (1934) Khinganskaya provintsiya [Khingang Province]. *Vestnik Man'chzhurii*. 1. pp. 31–74.
2. Petelin, I. (1909) Poselkovoie upravlenie v polose Yuzhno-Man'chzhurskoy zheleznoy dorogi [Settlement Administration in the Zone of the South Manchurian Railway]. *Vestnik Azii*. 1. pp. 44–56.
3. Datsyshen, V.G. (2016) Konflikt na KVZhD. Iz opyta ispol'zovaniya silovogo davleniya dlya razresheniya mezhgosudarstvennykh protivorechiiy [The Conflict on the CER. From the Experience of Using Forceful Pressure to Resolve Interstate Contradictions]. *Eurasia: Statum et Legem*. 6. pp. 25–37.
4. Dou Yingtai (1998) Ot atamana razboynikov do prem'er-ministra marionetochno go gosudarstva Man'chzhougo: Chzhan Tszinkhuey [From Bandit Chieftain to Prime Minister of the Puppet State of Manchukuo: Zhang Jinghui]. *Vesna i Osen' Kitayskoy Respubliki*. 01. [Original Chinese: 窦应泰, 从土匪头目到伪满总理大臣的张景惠, 民国春秋 1998 年第 01 期].
5. *Zapisi po provintsii Kheyluntszyan* [Records of Heilongjiang Province] (1983). Vol. 76. Harbin: Narodnoe izd-vo provintsii Kheyluntszyan. [Original Chinese: 黑龍江省誌 第 76 卷, 黑龍江人民出版社, 1983 年].
6. Anon. (1935) *Sbornik zakonov i rasporyazheniy Man'chzhu-Di-Go: na russkom yazyke* [Collection of Laws and Regulations of Manchukuo: In Russian]. Vol. 1. Harbin: Osawa Zhun.
7. *Sunday Mail*. (1936) Japan's policy in Mongolia. First hint of failure. 26th April.
8. Pu Yi. (1968) *Pervaya polovina moey zhizni: vospominaniya Pu I – poslednego imperatora Kitaya* [The First Half of My Life: Memoirs of Pu Yi – The Last Emperor of China]. Moscow: Progress.
9. Manchukuo. (1933a) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 10th May. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 130 號 1933 年 5 月 10 日].
10. Manchukuo. (1943a) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 20th September. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 2789 號 1943 年 9 月 20 日].
11. Surin, V.I. (1932) *Zheleznye dorogi v Man'chzhurii i Kitae: materialy k transportnoy probleme v Kitae i Man'chzhurii* [Railways in Manchuria and China: Materials on the Transport Problem in China and Manchuria]. Harbin: Tipografiya KVZhD.
12. Commission on Literary and Historical Materials under the Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference for the Inner Mongolia Autonomous Region. (1989) *Prodolzhenie spiskov znati Vnutrenney Mongolii v novuyu i noveyshuyu epokhu* [Continuation of the Lists of Nobility of Inner Mongolia in the Modern and Contemporary Era]. [Original Chinese: 內蒙古近现代王公录续编, 中国人民政治协商会议内蒙古自治区委员会文史资料委员会, 1989].
13. Manchukuo. (1943b) *Pravitel'stvennyy vestnik Man'chzhuo-Go* [Government Gazette of Manchukuo]. 29th October. [Original Japanese/Chinese: 滿洲國《政府公報》第 2822 號 1943 年 10 月 29 日].
14. Mori, H. (2009) *Yaponskaya sukhoputnaya armiya i razvedyvatel'naya deyatel'nost' vo Vnutrenney Mongolii. Pochemu armiya Kan-De deystvovala v odinochku* [The Japanese Army and Intelligence Activities in Inner Mongolia. Why the Kantō Army Acted Alone]. Tokyo: Kodansha. [Original Japanese: 森久男. 日本陸軍と内蒙工作 関東軍はなぜ独走したか. 講談社. 2009].
15. Makinami, Y. (2004) *5000-dnevnaya armiya: ofitseriy Man'chzhuo-Go* [The 5000-Day Army: Officers of Manchukuo]. Tokyo: Sorinsha. [Original Japanese: 牧南京子 《五千日の军队-滿洲国軍の军官们》 创林社, 2004 年].
16. Tanaka, K. (2009) *Nomonkhanskiy insident: Mongoliya i Man'chzhuo-Go* [The Nomonhan Incident: Mongolia and Manchukuo]. Tokyo: Iwanami Shoten. [Original Japanese: 田中克彦 《诺门罕战役-蒙古国与滿洲国》 岩波书店 (岩波神钢), 在 2009 年].
17. Ozawa, C. (1976) *Taynaya istoriya man'chzhurskoy armii. Rol' yaponskikh voyennykh ofitserov* [Secret History of the Manchurian Army. The Role of Japanese Military Officers]. Tokyo: Kashiwashobo. [Original Japanese: 小澤親光. 秘史満州国軍-日系軍官の役割. 柏書房. 1976].
18. Lattimore, O. (1933) The Unknown Frontier of Manchuria. *Foreign Affairs*. XI(2) [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1933-01-01/unknown-frontier-manchuria> (Accessed: 17th March 2025).
19. Lattimore, O. (1962) *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928–1958*. London: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Дудин Павел Николаевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dudin Pavel N. – Doctor of Science (in Historical, Sc.D), Doctor Habilitatus in Political Science (Dr. Habil), Doctor of Science (in Law, Sc.D), Docent, Leading Researcher, Institute of Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dudin2pavel@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; принята к публикации 21.01.2026

The article was submitted 18.11.2022; accepted for publication 21.01.2026